

Андрей Охочимский

Святая вода, Реформация и протестантская иеротопия

Вода есть нечто особенное и наилучшее из четырех видимых стихий мира
Кирилл Иерусалимский, *Огласительное поучение третье*, 2

Введение

Данная работа продолжает исследование автором роли элементов-стихий в иеротопии, которое было начато предыдущей статьёй, посвященной теме огня в христианстве¹. В той статье шла речь о едином парадигматическом образе божественного огня, стоящем за разнородными проявлениями и смыслами огня в религии. Можно ли подобным же образом подойти к обобщению явлений связанных с восприятием воды и её сакральности? На этот вопрос хочется ответить утвердительно, однако осмысление сакральной воды требует иных подходов. Если огонь летуч и эфемерен, то вода существенно материальна. Если смыслы сакрального огня относительно легко идентифицировать, но трудно собрать воедино, то в отношении воды единство существует изначально: в образах и представлениях, связанных с водой, бесспорно доминирует сама вода. Она порождает свои образы и смыслы путем процесса, который Г. Башляр назвал «материальным воображением». Башляр признает, что образность воды ускользает от рационального психоанализа, которое оказалось возможным для огня². Нам, состоящим в основном из воды, вода просто слишком интимно близка для возможности отстраненного анализа. Если огонь символичен, то вода метафорична. Если огонь иконичен и указывает на стоящее за ним иное-запредельное, то вода скрывает свою тайну в своих глубинах.

Так не является ли сама материальность воды той ключевой её характеристикой, которая поможет осмыслить судьбу воды и её сакральности в христианской традиции? В этой статье мы утверждаем, что история воды в христианстве отражает историю отношения к материальному миру. Мы проследим этот параллелизм на основе несколько исторических эпизодов западного христианства, иллюстрирующих наш основной тезис: история сакральной воды есть история отношения к материи. Резкое изменение отношения к материальному, происшедшее на Западе в связи с Реформацией, позволит выявить данный параллелизм особенно явно.

¹ Образ-парадигма Божественного Огня в Библии и в христианской традиции // Иеротопия огня и света / Ред-сост. А. М. Лидов, М.: «Феория», 2013, с. 45-81.

² Во введении к своей известной книге «Вода и грезы» Башляр пишет: «... проведя психоанализ объективного и образного знания, мы стали рационалистами в отношении огня. ... в отношении воды та же процедура нам не удалась. Образами воды мы все еще живем, мы переживаем их синтетически, в их изначальной сложности ...» (цит. Башляр Г. Вода и грезы, Опыт о воображении материи. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 1998. с. 24). Здесь Башляр имеет в виду свою более раннюю книгу «Психоанализ огня».

Отношение к материи в христианстве в принципе амбивалентно. С одной стороны, материя освящена Творением и как бы продолжает мерцать первозданным Светом. С другой стороны, материальный мир несет на себе печать первородного греха и подвержен действию демонических сил. Хорошо известно, что в христианстве материальное, плотское, часто ассоциируется с греховным. Многообразная духовность, связанная с водой, выражает ту же амбивалентность: вода может представляться носителем как божественных так и демонических сил. Резкое противопоставление священного и мирского, столь характерное для средневековой религиозности, выразилось, в частности, в противопоставлении двух видов воды: святой и обычной. Если обычная вода была открыта демоническим влияниям и ассоциировалась с грехом и соблазнами, то освященная вода стала носителем Божественной Благодати.

В результате Реформации начало формироваться новое мировоззрение, утверждавшее разумность и целесообразность устройства сотворенного мира, непрерывность процесса творения и роль в нем человека как со-творца. Вода, с её уникальными свойствами и жизненно важной ролью в человеческом мире, стала рассматриваться как восхитительное чудо творения. В начале европейского Нового Времени, святость стала сближаться с чистотой, и воде было суждено сыграть ключевую роль в процессе формирования своеобразной разновидности иеротопии: протестантской иеротопии чистоты и порядка. Это было совершенно новое видение как сакрального так и материального, в котором церковные таинства утратили свою божественность, а обыденное и повседневное приобрело новую ауру сакральности.

Наш рассказ об истории святой воды начинается с её начала, т.е. с первых веков христианства.

Святая вода: начало истории

*Вода получает в себя Бога, и эта плодородная стихия
производит святое потомство из вечного семени.
Павлин Ноланский, Послания 32:5.*

Если в первоначальных религиях³ воде поклонялись как одушевленной животворной стихии (Figure 1), то христианское отношение к воде формировалось под влиянием библейского учения о первородном грехе и падшем материальном мире. Если в первый день Творения вода фигурирует как чистая первоматерия (Быт. 1:2), то, вследствие грехопадения, вода оказывается элементом жизни греховного мира и подвергается

³ Eliade M. Patterns in comparative religion. 1958, ch. V. The waters and water symbolism. Цит. по изданию Lincoln&London: Univ. of Nebraska Press, p. 188-216.

воздействию не только божественных, но и демонических сил. Чтобы стать проводником благодати, вода нуждается в освящении.

История христианской святой воды начинается с ветхозаветной религии, в которой освященная вода использовалась в качестве средства очищения (Чис. 19). Для её приготовления требовалось принести в жертву и сжечь вне стана рыжую телицу. Вода, к который был добавлен пепел телицы, разбрызгивалась иссопом и обладала силой очищать прикоснувшихся к мертвым⁴. Другой пример использования освященной воды находим в «воде ревнования», которая использовалась как детектор лжи для женщин, заподозренных в прелюбодеянии. В этом случае вода освящалась при помощи молитвы (Чис. 4:17-27). Согласно апокрифическому преданию⁵, беременная Богоматерь пила воду ревнования в присутствии первосвященника для подтверждения своего девства (Figure 2).

Первая рациональная концепция святой воды в христианском контексте была предложена Тертулианом в начале 3 века н.э. в его сочинении «О крещении», которое содержит несколько принципиально важных положений. Тертуллиан противопоставляет литургическое употребление воды язычниками христианскому: язычники поклоняются воде как таковой (Figure 2), в то время как христиане используют воду именно освященную и исполненную Благодати. Освящение воды Тертуллиан интерпретирует как проникновение в воду флюидов Божественной Благодати и сравнивает освящение воды с действием ангела на купальню у овечьих ворот (Ин. 5:4). Он также подчеркивает способность воды впитывать и переносить демонические воздействия. В дальнейшем развитии святоотеческого богословия святой воды подчеркивается роль живительной силы Св. Духа призываемого при освящении⁶.

Киприан Карфагенский указывал, что вода крещения должна быть освящена епископом⁷ ссылаясь при этом на очистительную воду Ветхого Завета «... и окроплю вас чистою водою, и вы очиститесь от всех скверн ваших, и от всех идолов ваших очищу вас» (Иез 36:25). Правильное освящение воды Киприан связывал с действительностью крещения. Крещение еретиков не является действительным потому что их вода «лжива», «прелюбодейна» и «не-свята»⁸ и не только не очистит от грехов, но и добавит их⁹.

⁴ Именно эта вода имеется в виду в известных строках 51 псалма «Окропи меня иссопом и очищуся ...».

⁵ Испытание Богоматери водою упоминается в Протоевангелии Иакова, 16. Этот же эпизод упоминается в эфиопском тексте «Зачатие и рождение Девы Марии, Богородицы» (*Budge E. A. W. Legends of Our Lady Mary the perpetual virgin and her mother Hanna. Translated from the Ethiopic manuscripts collected by King Theodore at Makdala and now in the British Museum. London: Martin Hopkinson, 1933 p. 134-135*).

⁶ Кирилл Иерусалимский. Огласительное послание третье «О крещении»; также Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры, книга 4, гл. 9. «О вере и крещении». На эту тему также см. Шмеман А. Водою и Духом, 1974 (русский перевод: М: ПСТГУ, 2012, 304 с.).

⁷ Киприан. Послания. 70:1.3. Это согласуется с тем, что в современной Киприану традиции крещение мог осуществлять только епископ. Данный отрывок является первым известным упоминанием о существовании церковного чина освящения воды.

⁸ Там же 72:1,6 (о крещении еретиков)

⁹ Там же, 21.

Киприан сравнивает крещение в воде, освященной еретиками, с использованием «чуждого огня» сынами Аарона (Лев. 10:1,2), повлекшим роковые последствия¹⁰.

Хотя освящение воды обсуждается первоначально в контексте крещения, рассказы об её использовании для исцелений появляются уже с 4 века. Согласно Епифанию, епископу саламинскому, жившему в конце 4 века, некий Иосиф из Тивериады изгнал злых духов из сумасшедшего, полив его водой, освященной крестным знаменем. Апамейский епископ Маркелл исцелил лошадь императора, напоив её освященной таким же образом водой. На Западе подобные рассказы появляются с 6 века. Григорий Турский пишет об отшельнике, который исцелял больных лихорадкой, давая выпить освященной им воды. Первое упоминание об исцелении святой водой в Англии находим у Достопочтенного Беде, который пишет, как Джон, епископ йоркский (706-721), послал монаха с благословленной им водой к больной женщине. Женщина выпила воды, омыла ей больные части тела и исцелилась¹¹. Как будет видно из дальнейшего, святая вода в христианской традиции воспринималась (вне контекста крещения) в первую очередь именно как лекарство и средство практической помощи в борьбе со злом.

Живая вода

*Днесь вод освящается естество, и разделяется Иордан,
и своих вод возвращает струи Владыку зря крещаему
Чин великого освящения воды*

Вода материальна, но её материальность явно отличается от материальности бездушных атомов и молекул или навеки застывших скал и камней. Обширная литература о духовности связанной с водой¹² указывает на складывавшиеся веками представления о воде, как о живой субстанции, способной воспринимать и передавать духовные воздействия. Очевидно, такое видение воды плохо вписывается в дихотомию материального и духовного классической философии¹³. Так как же сочетаются в воде духовный и материальный аспекты? Нам представляется, что ответ на этот вопрос следует

¹⁰ Там же, 8.

¹¹ Bradley I. Water. A spiritual history. London: Bloomsberry, 2012, p. 63,64.

¹² Из современных обзоров на данную тему отметим цитированную выше книгу Яна Брэдли, а также: Oestigaard T. Water, Christianity and the rise of capitalism. London: I.B. Taurus, 2013; Strang V. The meaning of water. Oxford: Berg Publishers, 2004; Houille Th. L'eau et la pensée grecque. Paris: L'Harmattan, 2010.

¹³ С. Н. Трубецкой пишет о «роковом дуализме материального и божественного» (Трубецкой С. Н. Метафизика в древней Греции. М., «Мысль», 2003, с. 147). Этот роковой дуализм стоит на пути целостного восприятия мира и порождает многочисленные экзистенциальные проблемы современного человека. Единая ткань нашего существования разорвана на духовную и материальную половины, которые христианство, построенное на догмате материального боговоплощения, стремится соединить в таинстве евхаристии.

искать в полу-осознанном наследовании идей древнего гилозоизма¹⁴, который воспринимал мир как живой организм, а составляющие его стихии наделялись определенной одушевленностью. Религиозное восприятие воды складывалось в эпоху, когда сама материя рассматривалась как живая субстанция¹⁵. Поэтому «одухотворенность» воды не противоречит ни её материальности ни принципам монотеизма: она просто отражает древние взгляды на материю, господствовавшие в эпоху, когда современные представления об инертной и «мертвой» материи еще не сложились.

Подобные взгляды на материю характерны и для библейской поэзии, в которой активная одушевленность материальных стихий прекрасно сочетается с монополией Бога-Творца на верховный контроль над мирозданием. Известный псалом 148 призывает все элементы космоса хвалить Господа. Те же призывы повторяются более детально в благодарственной песне трех иудейских отроков (Дан. 3:52-90), занявшей важное место в западной литургической традиции под именем *Benedicite Dominum* (Благословите Господа, или Песнь Творения). В этом гимне Господа хвалят не только «воды, которые превыше небес», но и моря, реки, и даже роса и водные источники. Франциск Ассизский в своих гимнах обращается к журчащей «сестре воде»¹⁶, которую он призывает играть музыку во славу Господа¹⁷.

Активная «живоносность» воды видна уже в книге Творения, где сначала из воды встает земля, а после этого, вода, по Божьему повелению, порождает обитающие в ней живые существа. В многочисленных библейских чудесах с участием воды удивляет именно её активное участие в событиях. Вода ведет себя как живое существо послушное божественной воле: она встает стеной, отступает и наступает. Во время крещения Иисуса вода также не была пассивной купелью, но «Иордан возвратися вспять» (Пс. 113, 3). На остановку или «возвращение струй» вод Иордана в этом евангельском эпизоде указывали многие древнехристианские авторы, в частности: Кирилл Иерусалимский, Амвросий Медиоланский, Св. Иероним и Пётр Хрисолог¹⁸. Св. Иероним писал, что «река Иордан ... устремилась собрать все свои воды насколько возможно в одном месте, чтобы омыть тело

¹⁴ Гилозоизм – это воззрение, оживотворяющее материальную природу. При этом одушевленность не понимается как наличие отдельной от материи души, но материя как таковая рассматривается как живая субстанция. Подобное видение материи резко отличается от современной науки, которая делит материю на живую и неживую, причем последняя рассматривается как пассивное и инертное вещество.

¹⁵ Кингсли пишет о прямом влиянии досократических, в частности, пифагорейских идей на формирование европейского сознания, особенно его мистической компоненты (*Kingsley P. Ancient philosophy, mystery and magic. Empedocles and Pythagorean tradition. NY: Oxford Univ. Press, 1995*).

¹⁶ Ставшее популярным обращение Франциска к «сестре воде» появилось в известном «Гимне Брату Солнцу»: Славься, мой Господи, за сестру нашу Воду, которая столь полезна, смиренна, чиста и драгоценна. (перевод П. Сахарова).

¹⁷ *Russel C. A. Hydrotheology: towards a natural theology for water. Science and Christian Belief. Vol. 19, 2007, No. 2, p. 164.*

¹⁸ *Jensen R. M. Baptismal imagery in early Christianity. Grand Rapids: Baker Academic, 2012, p. 12,13.*

Господа»¹⁹. Так возник хорошо известный иконографический образ водяного столба или вихря, омывающего тело Иисуса при крещении (Figure 3, Figure 4). Одушевленность Иордана подчеркивается также присутствием на многих известных иконах крещения Иисуса аллегорических человеческих фигур, символизирующих Иордан.

В истории медицины вода часто фигурирует как активная среда: медики, начиная от Галена до сторонников водолечения и любителей минеральных вод нового времени, рассматривали воду не просто как необходимое организму вещество, а как лекарство, способное исцелять. В средневековом христианстве, эта целительная способность сосредоточилась в святой воде, в то время как обычная вода стала рассматриваться как потенциально опасная среда, «зараженная» демоническими воздействиями греховного мира. Эта двойственность воды чем-то похожа на двойственность самого человека, способного пойти как путем добра так и путем зла. В Средние века, когда контраст между профанным и сакральным в материальном мире воспринимался особенно остро, различие между обычной и святой водой проявилось особенно явно. Если святая вода была носителем благодати, то «профанная» стала носителем греха и духовных опасностей.

Средневековая водобоязнь

*Грязное тело – это храм благочестия.
Св. Бенедикт*

Подозрительное или даже прямо негативное отношение к воде и мытью в христианской культуре первых веков было связано с откровенно гедонистическим характером банных традиций древнего Рима. Хотя необходимость мытья из медицинских и гигиенических соображений не отрицалась, христианские авторы призывали к сдержанности и ограничениям. Посещение бань ради удовольствия и общения решительно осуждалось. С течением времени гидрофобия усилилась. Мытье как греховная забота о телесном, а также элементы язычества в банной культуре греко-римского мира вызывали все более резкие возражения у ревнителей христианского аскетизма. Некоторым даже казалось, что геотермальные источники и горячие бани топятся адским огнем²⁰. В результате римские бани были заброшены примерно в 5-6 веках н.э. В 11 веке над руинами бань Диоклетиана был совершен обряд экзорцизма, причем на гравюре, изображающей это событие, виден вылетающий из развалин чёрт.

¹⁹ Св. Иероним. Проповедь №89.

²⁰ Так писал Св. Пионий, принявший мученичество в Смирне в 250 г. (Bradley I. Water. A spiritual history, p. 56). Эта метафора оказалась живучей: мысль о близком соседстве горячих бань и источников с адом или чистилищем встречается в христианской литературе до 18 века.

Чистота душевная стала считаться важнее телесной и даже ей противопоставлялась. Средневековые моральные нормы формировались под влиянием монашества, в котором отказ от мытья стал считаться одной из доблестей аскезы. Жития святых изобилуют указаниями на их воздержание от мытья, что было очевидно связано как с отказом от лечения и плотских радостей, так и с запретом наготы²¹. Церковь никогда не вводила полного запрета на мытье, но относилась к нему как к необходимому злу, дозволенному согласно принципу «чем реже тем лучше». Публичные бани отождествлялись с борделями (Figure 5) и, либо легализовались как «кварталы красных фонарей», либо запрещались вовсе. Мытье в Европе стало (и остается по сей день) строго персональной процедурой.

Водобоязнь еще усилилась в связи с эпидемиями чумы. Так как чума могла передаваться через воду, вода сама по себе стала рассматриваться как первопричина чумы²². Распространилось поверье, что вода опасна сама по себе. Возникли медицинские теории о том, что горячая вода открывает поры, нарушает баланс основных элементов организма и ослабляет его сопротивляемость. Грязь, напротив, закрывала поры и предохраняла организм от губительных «миазмов»²³. После открытия микробов стали считать, что микробы самозараждаются в воде - следовательно вода представлялась источником болезней. Следует отметить, что водобоязнь средневековой западноевропейской культуры была вызвана не только религиозными мотивами и ошибочными медицинскими теориями, но и реальным дефицитом чистой воды в связи с загрязнением рек нечистотами²⁴.

Существует мнение, что в православии отношение к воде было в целом более позитивным²⁵. Действительно, в Византии отношение к мытью было снисходительнее чем на Западе; там продолжали существовать городские публичные бани²⁶. Однако аскетический идеал, осуждавший мытье как услаждение плоти, был общим для Востока и Запада. Характерно, что православная святоотеческая литература, отражающая, как правило, монашеский взгляд на жизнь, часто связывает образы воды с мирским и духовно опасным. В этих образах вода служит метафорой жизненного процесса как такового, т.е. обычной мирской жизни, воспринимаемой монахом как бурное море греха, от которого

²¹ Св. Иероним писал о «запахе святости». Св. Франциск Ассизский считал грязь одной из добродетелей святой бедности. Королева Изабелла кастильская гордилась тем, что принимала ванну всего дважды: сразу после рождения и перед свадьбой.

²² Oestigaard T. *Water, Christianity and the rise of capitalism*. London: I.B. Taurus, 2013, p. 93-101.

²³ Ashenburg K. *Clean. The unsanitized history of washing*, London: Profile books, 2008, p. 95-100.

²⁴ Загрязнение рек в результате прямого сброса канализации достигло такой степени, что неоднократно издавались указы, запрещающие сброс нечистот в реки (Ackroyd P. *Thames, the sacred river*, London: Chatto & Windus, p. 271). Вопреки распространенному мнению, качество воды в реках в течение последнего столетия не ухудшилось, а значительно улучшилось (Barty-King H. *Water. The Book*. Quiller Press, 1996, p. 112-143).

²⁵ См., к примеру: Дмитриев М. В. «Вода вся – святая» О магическом и мистическом в древнерусских обрядах освящения воды // Живоносный источник. Вода в иеротопии и иконографии христианского мира / Ред.-сост. А. М. Лидов, с. 169-172.

²⁶ Совместное мытье мужчин и женщин было запрещено в Византии лишь в 527 г. императором Юстинианом (Croutier A. L. *Taking the waters*. Spirit, art, sensuality. Abbeville Press, London, 1992, p.56).

необходимо спастись в тихой гавани монастыря²⁷. В Добротолюбии большинство упоминаний воды явно негативны и создают образы разрушительного водного потока или буйного смертоносного океана. Евангельская аллегория христианского учения как воды жизни составляет лишь незначительную долю (около 10%) от упоминаний воды в Добротолюбии. Отметим также, что популярное мнение о распространенности бань в средневековой России наталкивается на отсутствие подтверждающих археологических данных. Напротив, есть основания полагать, что домовые бани были средоточием языческой ритуальности и сохранялись главным образом в местах далеких от центров христианизации²⁸.

Святая вода и начало Реформации

*Я усвоила из длительного опыта, что ни от чего
другого бесы так не обращаются в бегство, как от святой воды.
Св. Тереза Авильская*

Средневековая гидрофобия была частью целостного мировоззрения, согласно которому дольний мир был населен чертями и бесами, и лишь сакральные пространства церквей и иных священных мест содержали святость и благодать. В этих святых местах христианин был защищен от нечистой силы, а материальные предметы могли «заряжаться» спасительной духовностью. Если обычная вода была открыта демоническим воздействиям и была потенциально опасной, то святая вода, впитавшая в себя церковную благодать и переносившая её в каждый крестьянский дом, стала идеальным орудием защиты от бесов: её пили как лекарство, ею окропляли скот и посевы. Её благодатные свойства изучались в богословских трудах. Такой авторитет как Фома Аквинский указывал, что «святая вода защищает от нападения демонов извне»²⁹. Хуан Тарквемада, испанский богослов 15 века, приводил 10 полезных применений святой воды, к которым, в частности, относились излечение бесплодия людей и животных и защита от болезней³⁰. При освящении воды в нее как правило добавляли соль³¹.

Канон на освящение воды, приведенный в Аугсбургском служебнике 1487 г., призывает на воду Божье благословение, согласно которому всякий человек, окропленный этой

²⁷ Плавание одинокого корабля в бурном море является классической метафорой жизненного пути человека и его одиночества и широко используется в поэзии, от Гомера до Лермонтова (Croutier A. L. *ibid.*, p. 44-49).

²⁸ Бобров А. Г. Древнерусская «мовь». Труды Отдела древнерусской литературы. СПб.: Д. Буланин, том 56, 2004, с. 94-120.

²⁹ Фома Аквинский. Сумма теологии, часть 3, вопрос 71.

³⁰ Scribner R. W. Popular culture and popular movements in Reformation Germany. London: The Hambledon Press, 1987, pp. 11, 39.

³¹ Существовал также отдельный обычай освящения соли. И соль и святую воду могли использовать при приготовлении пищи, а освященную соль также ставили на стол (Scribner R. W. *ibid.*, pp. 22, 44). В современном католическом обряде крещения в воду также добавляют соль.

водой, будет защищен от дьявольских нападений, а также в окропленных местах не смогут поселиться вредоносные духи. Поэтому монахам рекомендовалось ежедневно окроплять святой водой свою келью и постель. Существовало несколько разновидностей святой воды, различаемых по дням освящения и имевших разные специализации. Так, воду, освященную в день св. Власия, давали пить скоту для защиты от болезней и волков³². Для защиты от порчи, святую воду, регулярно освящаемую на воскресных мессах, хранили в монументальных купелях, которые закрывались тяжелыми крышками, чтобы предотвратить проникновение внутрь бесов (Figure 6). Начиная с 13 века крышки стали дополнительно запирать на замок от воров³³.

Согласно католической догматике, освященная вода относилась к сакраменталиям, которые в определенном смысле были слабее таинств. Действие таинств было безусловным (*ex opera operato*), в то время как действие сакраменталиев обуславливалось верой и молитвами (*ex opere operandis*). Согласно католическому Катехизису, сакраменталии не дают сами по себе спасительной благодати, но располагают к её принятию в таинствах. Однако, народный энтузиазм по отношению к святой воде и иным сакраменталиям и реликвиям, намного превышал их статус в официальном богословии³⁴. Церковная статистика показывает, что причащение в то время среди массы населения было нечастым. Так что святая вода была основным материальным носителем благодати, позволяющим крестьянину охранить от дьявольских сил свой микрокосмос. Если причастие открывало путь в вечную жизнь, то святая вода помогала здесь и сейчас.

Вода играет особую роль в католичестве, так как она символически связана с кровью Иисуса. В католическом обряде причащения, вода смешивается с вином и оказывается, таким образом, одним из «элементов» евхаристии. Богословским основанием этому служит описание распятия Иисуса в Евангелии от Иоанна, согласно которому из прободенного бока Спасителя истекли кровь и вода (Ин. 19:34). Таким образом, кровь Иисуса, рассматриваемая как источник спасения, оказывается неразрывно связана с водой. Использование в евхаристии воды, смешанной с вином, впервые упоминает Юстин Мученик в середине 2 века³⁵. Отметим, что эта важная традиция не является чисто западной. Так, о смешивании вина и воды в евхаристии и о превращении их обоих в кровь Иисуса пишет, как о чем-то само собой разумеющемся, Иоанн Дамаскин³⁶. В житиях

³² *Scribner R. W. ibid*, p. 4

³³ *Bradley I. Water. A spiritual history*. London: Bloomsberry, 2012, p. 87.

³⁴ Богословие сакраменталий было детально разработано уже после Реформации. В описываемую эпоху церковная точка зрения на эффективность сакраменталий еще не была определена догматически, и считать их действие безусловным и конкретно-материальным было допустимо. Позиция церковного руководства в отношении обрядов, связанных с использованием святой воды не всегда была однозначно позитивной. Подчас, в них видели проявления идолопоклонничества. Так, обряды освящения воды для животных в день Св. Власия были осуждены синодом Пассау в 1470 г. (*Scribner R. W. ibid*, pp. 8-12, 34).

³⁵ *Bradley I. Ibid*, p.6.

³⁶ Пересказывая известный евангельский эпизод установления евхаристии Иисусом (Мф. 26:27), он пишет: «Подобным же образом, взявши и чашу с вином и водою, передал им, говоря: пейте от неё все, ибо сия есть

святых, кровь праведников и вода часто оказываются связанными: святые ключи начинали бить из мест, куда капала кровь мучеников, а Св. Прасседа собирала кровь святых страдальцев в колодец. Если в Евхаристии вода, смешиваясь с вином, становилась кровью Иисуса, то, в крещении, кровь Агнца омывала крещаемого³⁷.

Символическая близость воды и крови Иисуса усиливала очистительные и спасительные качества святой воды и придавала дополнительный смысл всем её применениям. Кроме того возникала неявная связь освящения воды с евхаристией. Эту связь можно проследить по дискуссиям ранней Реформации: интерпретация освящения воды различными партиями коррелировала с интерпретацией евхаристии, находившейся в центре богословских дебатов. Католическая концепция транссубстанции, сформулированная главным образом для интерпретации евхаристии, фактически применялась и к пониманию освящения воды: святая вода изменяла свою сущность при освящении³⁸. Среди протестантов мнения разделялись. Лютер считал, что вода крещения содержит Слово Божие³⁹. Томас Кранмер, идеолог зарождающегося англиканства, писал, что «вода в крещении остается водой, даже если на неё нисходит святой дух, или, скорее, не на саму воду, а на крещаемого»⁴⁰.

Если умеренные протестанты сохраняли элементы молитв на освящение воды, то анабаптисты и иные радикалы решительно отвергали подобное «колдовство». Однако, умаление освящения воды удивительным образом сочеталось с возросшим значением самой воды: многие протестантские конфессии настаивали на крещении путем полного погружения и рассматривали его как новое рождение и главный христианский обряд. Крещение стало публичным актом, в котором принимала участие вся община⁴¹. Таким

Кровь Моя Нового Завета...»; и далее: «Ужели Он не может сделать хлеб Своим телом, а вино и воду — Своєю кровью?». См. *Иоанн Дамаскин*. Точное изложение православной веры, книга 4, гл. 13. «О святых и пречистых таинствах господних». Можно предположить, что обычай смешивания воды и вина имел не только символическую, но и гастрономическую природу: хорошо известно, что в средиземноморских культурах было принято пить вино, разбавленное водой.

³⁷ Мотив омывания кровью Иисуса был унаследован протестантизмом. Так Кальвин писал, что «в крещении, Господь омывает нас кровью своего Сына, а в Причащении Он питает нас Его плотью и кровью» (*Calvin J. Selections from his writings*, Montana: Scholar Press, 1975, p. 215). Во многих протестантских гимнах спасенные верующие именуются «омытыми в крови Агнца», причем эта тема подчас интерпретируется в довольно буквальном ключе.

³⁸ *Russel C. A. Hydrotheology: towards a natural theology for water. Science and Christian Belief. Vol. 19, 2007, No. 2, p. 163.*

³⁹ *Trigg, J. D. Baptism in the theology of Martin Luther. Leiden: E. J. Brill, 1994, p.71.* Брэдли предполагает, что на Лютера мог оказать влияние блаженный Августин, который писал: «Что есть крещение? Это погружение в воду и в Слово. Убери воду – нет крещения. Убери Слово – нет крещения» (*Bradley I. Water. A spiritual history*, p. 33,34).

⁴⁰ *Sprinks B. D. Treasures old and new: A look at some of Thomas Cranmer's methods of liturgical compilation // Thomas Cranmer. Churchman and Scholar / Eds/ P. Ayris & D. Selwyn. Woodbridge: The Boydell Press, p. 184.*

⁴¹ Таким образом, отчасти возвращался изначально литургический характер крещения (*Шмеман А. Водой и Духом*, 1974; русский перевод: М: ПСТГУ, 2012, 304 с.). В соответствии с этой тенденцией, в реформированных церквях крещальные купели стали располагать вблизи алтаря, или, в без-алтарных

образом, церковная святая вода лишилась своей святости, однако природная вода возвысилась до роли Божьего инструмента и стихии духовного рождения. Это новое видение крещенских вод предвещало важные изменения отношения к природе и к материи вообще, которые назревали в протестантском мире. Возвышение мирского и освящение повседневного становилось важной частью нового мировоззрения⁴².

Протестантские реформы часто интерпретируют как всеобщую «десакрализацию» религии и секуляризацию общественной жизни. Однако протестантизм не отменил сакральность, а лишь изменил её характер. В католичестве материальный мир понимался как безнадежно «десакрализированный», испорченный первородным грехом, и в значительной мере подконтрольный, если не полностью подвластный, «князю мира сего», т.е. дьяволу. Спасительная и оберегающая святость была сосредоточена в отдельных людях, освященных предметах и пространствах, резко отделявшихся от профанного окружения некоей завесой, подобно тому как Святая Святых в ветхозаветном храме отделялась от остального мира. В протестантизме эта завеса разрывается, и пространственно-сосредоточенная сакральность распространяется на весь космос, тем самым предвещая рождение качественно новой протестантской иеротопии: освящения повседневной жизни. Весь мир становится храмом, в котором человек реализует святость своего призвания в богоугодной деятельности. Церковная сакральность теряет силу, но Божье благословение освещает обычный человеческий мир, в особенности окружение верующих, не столь ярким, но устойчивым светом новой сакральности. Эти тенденции присутствовали в протестантизме изначально, но приняли более явную теоретическую форму уже после Реформации (см. ниже раздел о естественном богословии).

Новое отношение к материальному проявилось, в частности, в постепенном устранении формул экзорцизма из ритуалов освящения. Согласно средневековым воззрениям, неосвященная вода была заражена демоническими воздействиями, поэтому изгнание из неё бесов было необходимым первым шагом её освящения. По тем же причинам экзорцизм применялся и к самому крещаемому, который также предполагался находящимся во власти сатаны⁴³. По мере эволюции протестантизма, все реформированные церкви в конце концов устранили экзорцизм как из освящения воды так и из самого крещения⁴⁴. Это было свидетельством важных изменений во взглядах на материю. Она более не предполагалась одержимой бесами, а рассматривалась как субстанция продолжающегося Божьего

конфессиях, вблизи наиболее сакрального места церкви – амвона, с которого провозглашалось Слово Божие (*Bradley I. Water. A spiritual history. London: Bloomsberry, 2012, p. 36*).

⁴² Спустя много лет Г. К. Честертон напишет о своем «восторге от обыденного» (the ecstasy of the ordinary). *Chesterton G. K. The Spice of Life and other essays. Beaconsfield: Darwen Finlayson, 1964, p. 71-73*.

⁴³ Экзорцизм крещаемого присутствует в наиболее древних крещальных формулах и является до сих пор неотъемлемой частью обряда крещения в Восточном Православии.

⁴⁴ Отмена экзорцизма при крещении была предметом интенсивных дискуссий в протестантском мире. Если лютеране сохраняли экзорцизм до 18 века, то кальвинисты отбросили его сразу, а англикане – в 60е годы 16 века (*Oestigaard T. Water, Christianity and the rise of capitalism. London: I.B. Taurus, 2013, p. 58-72*).

Творения. Дьявол был сброшен с престола «князя мира сего», хотя и сохранил своё место верховного соблазителя и обманщика.

Однако, как будет видно из дальнейшего, идеи высокого протестантизма далеко не сразу овладели верующими массами. Старое мировоззрение было слишком глубоко укоренено в умах, чтобы быть отброшенным в одно мгновение по указу церковного начальства. Последовал переходный период, в течение которого традиционный менталитет сохранялся в качестве народной веры. Продолжающийся культ святых колодцев и источников в протестантских странах является тому примечательным примером.

Святые источники и Реформация

*For the itch, the stitch, rheumatic and the gout,
If the devil isn't in you, this well will take it out.
(Bord J. & Bord. C. Sacred waters, p.49)*

Так как в странах победившей Реформации церковная святая вода была отменена в одночасье и объявлена чуть ли не сатанинским орудием, простые верующие вдруг лишились привычного средства борьбы со злом. Однако в их распоряжении осталась природная святая вода, интерес к которой не только не уменьшился, но даже и возрос. Наше обсуждение «водопоклонения»⁴⁵ опирается в основном на английский материал, так как именно в Великобритании история святых источников изучена наиболее детально⁴⁶. Поклонение колодцам и источникам, широко распространенное еще в языческую эпоху, питалось верованиями в загадочное подземное царство, в котором текли полноводные реки, невидимо замыкавшие круговорот воды в природе⁴⁷. Церковь долго боролась с

⁴⁵ В литературе широко распространен термин *hydrolatry* (водопоклонение) употребление которого призвано подчеркнуть непрерывность традиций связанных со святыми колодцами и водой вообще и их относительно слабую зависимость от изменений религиозного контекста.

⁴⁶ См. *Bord J. & Bord C. Sacred waters. Holy wells and water lore in Britain and Ireland. London: Paladin, 1985; Rattue J. The living stream. Holy wells in historical context. Woodbridge: Boydell Press, 1995; Thomas, Ch. J. Sacred Welsh waters. Capall Bann Publishing 2004; Harte J. Holy wells: a sourcebook. Loughborough: Heart of Albion, 2008.*

⁴⁷ Подземное царство так же принадлежало божественным силам, как и небеса, так что вытекавшая оттуда вода была «заряжена» хтонической божественностью. Отзвук подобных представлений встречаем в литературе разных эпох. Четыре реки подземного мира Илиады (фигурирующие также в космологии платоновского «Федона») могут напомнить о четырех реках иудео-христианского Рая, которые, согласно средневековой легенде, ушли под землю (Figure 7), чтобы снабжать водой изгнанное из садов Эдема человечество (*Bradley I. Water. A spiritual history, 2012, p. 16*). Натуралисты 17-18 веков уподобляли подземные водные потоки венам человеческого организма (*Fabricius, J. A. Hydrotheologie. Hamburg: König und Richter, 1734; цит. по фр. переводу: Theologie de l'eau. Paris, 1743, pp. 171, 180-182, 201-203*). Интуиция древних не ошибалась: под Землей действительно много воды. Согласно современным оценкам, под землей находится примерно в 70-80 раз больше пресной воды, чем на поверхности, т.е. в реках и озерах.

языческим культом «фонтанов», но, начиная примерно с 7 века, намечается тенденция к их христианизации⁴⁸.

С колодцами связываются легенды, в которых их возникновение или появление целительных свойств связывается с прямым участием святых, как правило местных отшельников раннего средневековья. В одних легендах колодец возникает по молитвам святого или на месте, освященном его мученичеством, его кровью, или просто его пребыванием; в других – святой благословляет существующий источник, который до этого или не был целительным или даже был одержим бесами. Источник св. Екатерины в Либертоне забил после того, как землю покропили чудотворным маслом, принесенным с её могилы на Синае⁴⁹. Согласно некоторым легендам, святые подолгу молились, стоя по горло в холодной воде источника. В любом случае, воды источников освящены святыми и сохраняют однажды осенившую их благодать.

Всего в Великобритании имелось, согласно оценкам, около 8000 святых колодцев разной «специализации», вокруг которых формировались местные традиции. При всем удивительном разнообразии этих традиций, отмечается тенденция рассматривать колодец как одушевленное существо, способное как выполнить просьбу, так и обидеться и навредить. Например, многие колодцы полагалось обходить «посолонь»⁵⁰. Обойдя колодец в противоположном направлении, можно было не только нанести себе вред, но и осквернить колодец. Колодцы не только исцеляли, но и могли предсказать будущее или «вывести на чистую воду» обманщика или вора. Некоторые святые источники реагировали на просьбы путем испускания пузырьков⁵¹ или движениями живущих в них рыб. Одушевленность колодцев не имеет однозначной интерпретации. Она напоминает о древнем гилозоизме и языческих водяных божествах, но также в сильной степени связана с личностью святого данного колодца. Многие колодцы «работали» только в день своего святого. В эти дни к ним совершались массовые паломничества, отмеченные даже во второй половине 20 века.

Примечательно, что многие описанные в литературе ритуалы водопоклонения совершались на восходе или даже до восхода солнца, когда подземная вода считалась наиболее девственной, не подвергшейся еще воздействию дневной суеты. Именно в это

⁴⁸ Согласно современным исследованиям, святые колодцы возникали постепенно в течение всей христианской эпохи. По-видимому большинство возникло уже после 13 века, даже если легенды относят начало их культа к более глубокой древности. В Англии процесс прямой христианизации языческих священных колодцев удалось проследить в 13 случаях (*Rattue J. ibid*, p. 37-40).

⁴⁹ *Bord J. & Bord C. ibid*, p. 105.

⁵⁰ Направление обхода «по солнцу» (т.е. по часовой стрелки) означало идентификацию с солнцем – источником жизни – и с древних времен считалось священным, тогда как противоположное направление несло несчастья и смерть. Мы до сих пор инстинктивно совершаем многие движения именно «посолонь», например когда месим тесто круговыми вращениями.

⁵¹ Интерпретация пузырьков как признака целительной активности находит прямую аналогию в евангельском повествовании об исцелении расслабленного в купальне у Овечьих ворот (Ин. 5:1-16).

время полагалось набирать воду для исцелений. Все обряды совершались в полной тишине: пророненное слово могло нарушить чистоту и животворность воды. Очевидна прямая аналогия со славянским культом «непочатой» воды, также предполагавшим зачерпывание воды с первыми лучами рассвета и в полной тишине. Способность воды впитывать и переносить духовные воздействия видна также в традиции питья целительной воды из черепов святых, связанных с данным колодцем⁵². Отмечены случаи, когда во время ритуала в колодец окунали статую святого⁵³.

Реформация не внесла существенных изменений в культ святых колодцев и источников. Протестантские церкви относились к нему однозначно отрицательно, но боролись с ним в основном путем проповедей, видимо поэтому их популярность шла на спад очень медленно (Figure 8). О стабильной популярности святых колодцев после Реформации свидетельствуют многочисленные и хорошо задокументированные посещения их королевскими особами⁵⁴. Значительное снижение их посещаемости произошло уже в нашу эпоху скорее в результате прогресса медицины чем влияния церквей.

Минеральные воды и водолечение

*Чтобы узнать тайну воды, надо её выпить.
Буддийская мудрость*

По мере развития новых воззрений на материю и материальное, стали возникать и соответствующие им новые формы «водопоклонения». Англиканская церковь стала пропагандировать минеральные воды как научно и религиозно обоснованную альтернативу святым источникам. В самом деле, минерализованная вода физически и химически отличалась от обычной и поэтому могла рассматриваться как «естественное чудо» и природный дар Божий. Первая книга на тему лечения минеральными водами, написанная Тэрнером в 1561 г., характерна сочетанием религиозности с научностью. Тэрнер писал: «После исповедания своих грехов перед Всемогущим Богом, проконсультируйтесь во имя Божие у ученого медика, посланного Всевышним, а не

⁵² Данная традиция связывается с кельтским культом голов и черепов, так же как и часто встречающийся обычай оформлять источники в виде струи воды, вытекающей изо рта каменной головы (Bord J. & Bord C. Ibid, p. 17-20).

⁵³ См (Bord J. & Bord C. ibid, p. 96) Окунание в колодец статуэтки святого напоминает об известном обычае освящения воды путем омовения чудотворных икон. Стоит отметить принципиальное различие между христианскими и языческими обычаями купания святых изображений и реликвий: если в язычестве омываемые статуи «заряжались» энергией от воды (Houille Th. L'eau et la pensée grecque. Paris: L'Harmattan, 2010, p. 34), то в христианстве, напротив, реликвия освящает воды. Высшей точкой освящения воды в христианском мире является православный обряд водосвятия распятием в день Крещения.

⁵⁴ Паломничества к святым источникам совершали Генрих VIII, Иаков II, Карл I, Карл II, Георг III и королева Виктория (Bord J. & Bord C. ibid, p. 118).

обращайтесь к каким-то рукотворным идолам»⁵⁵. Под идолами здесь имеются в виду католические часовни и святилища вокруг святых источников, которые в те времена рьяно разрушали «круглоголовые» иконоборцы.

Объединенными усилиями врачей и проповедников, вокруг источников минеральных вод, относительно немногочисленных, но «раскрученных» официальной пропагандой, создавалась своеобразная атмосфера благочестивого лечения. Часто врачи были одновременно и пасторами и призывали начинать лечение с молитвы Богу как «великому Врачевателю души и тела». Епископ Уэльский составил для пациентов минеральных вод в Бате специальный молитвенник, который возносил хвалу водам как «восхитительному дару Провидения» и содержал следующие инструкции: «не думайте, что воды принесут вам пользу без прямого Божественного благословения, так как Бог вначале должен исцелить воды, прежде чем они смогут исцелить вас»⁵⁶. Здесь, очевидно, опять встречаем мотив особой, освященной, «исцеленной»⁵⁷ воды, которая одна обладает оздоровительными свойствами. Это освящение понимается, однако, по-протестантски: Господь благословляет воду в форме прямого природного дара, без посредничества церкви или таинств.

В протестантском культе минеральных вод нетрудно увидеть новое отношение к материальному и к природе: Господь мудро наполняет мир полезными творениями, которые должны изучаться и разумно использоваться человеком, не забывая о должной благодарности Создателю. Уникальность минеральных вод естественна, но обязана своим происхождением благому промыслу Творца. Хотя формулы химического состава воды объясняли их целебное действие не в большей мере, чем колдовские заклинания, они принадлежали сфере науки и, одним этим, они были более убедительны для людей нового эпохи. В действительности же, целебная репутация как минеральных вод, так и святых источников, основывалась на одном и том же: на рассказах об исцелениях.

В эпоху Реформации не только формируется основная медицинская профессия с её естественнонаучным подходом и материалистическим настроем, но и начинает складываться холистическая «альтернативная» медицина, призывающая человека к исцелению путем мобилизации собственных ресурсов организма и помощи внешних духовных сил и космических влияний. В рождении основных направлений альтернативной медицины ключевую роль играла вода.

Целительная сила обычной холодной воды, о которой писали еще Гиппократ и Гален, была вновь открыта в 18 веке. Больных стали обливать холодной водой в качестве

⁵⁵ *Bradley I. Water. A spiritual history. London: Bloomsberry, 2012, p. 107.*

⁵⁶ *Bradley I. ibid, p. 108.*

⁵⁷ В этой цитате, «исцелять» переводит английский глагол «to heal», который родствен словам «whole» (целый) и немецкому «heilig» (святой). Таким образом, если в русском языке святость «резонирует» с темой света, то в европейских языках святость скорее связана с темой целости и здоровья.

лечения. Основатель методизма Джон Уэсли, первым из влиятельных фигур западного христианства, стал систематически пропагандировать здоровый образ жизни современного типа, включающий пребывание на свежем воздухе, физические упражнения, простую пищу, а также купание в природных водоемах и обливания. Уэсли одним из первых открыто выступил за полное воздержание от алкоголя и кофе, предлагая заменить все напитки холодной водой. Эти призывы не слишком удивят современного человека, однако лечение холодными ваннами представляется нам явным экстремизмом.

Уэсли и другие пропагандисты водных процедур предлагали лечить холодными ваннами практически все болезни, включая ревматизм, лихорадку, простуду, пневмонию, и даже чуму и рак. Эти странные методы станут более понятны, если вспомнить резко негативное отношение западно-христианской культуры к горячим баням, предлагавшим расслабление и удовольствие: в горячей воде подстерегали духовные опасности. Даже в 18 веке, для некоторых, паровая баня «отдавала» чистилищем⁵⁸. С другой стороны, христианское отношение к холодной воде всегда было более благоприятным. Именно холодная вода освежает и придает энергию. Холодная вода естествена и животворна, и именно она используется при крещении. Эту черту христианского сознания легко почувствовать, если попробовать представить себе крещение в горячей воде или в паровой бане! Вспомним, что в холодной воде источников подолгу стояли и молились кельтские святые. Пребывание в холодной воде и умерщвляет и укрепляет плоть и, в этом смысле, идеально сочетается с протестантским идеалом трезвенного и «крепкого» христианства. Поэтому природная холодная вода представлялась тем Божьим Даром, который человек должен был использовать для обновления своих жизненных сил.

Водолечение как медицинский метод окончательно сформировалось в 19 веке, в значительной мере усилиями Присница и Кнейпа, двух немцев-католиков, и включало не только холодные ванны, но и заворачивание больных в холодные мокрые простыни. По мере распространения на англоязычный мир, водолечение приобретало все более протестантский, даже евангелический характер. Среди его энтузиастов были баптистские и квакерские пасторы. Центры водолечения напоминали монашеские общины. Там рано вставали, регулярно молились, питались простой пищей и пили одну воду. Принципом водолечения стало пробуждение в человеке естественной богоданной способности человека к само-очищению и само-исцелению. Ведь если Бог создал человека здоровым, он должен был заложить в него и способность к исцелению. Философия водолечения в чём-то смыкалась с протестантским видением крещения: Господь использовал обычную воду как свой священный дар для обновления человека.

⁵⁸ В числе прочих, такие мысли высказывал Даниэль Дефо (*Croutier A. L. Taking the waters. Spirit, art, sensuality. Abbeville Press, London, 1992, p. 110*).

Естественное богословие и восхищение водой

*Как многочисленны дела Твои, Господи!
Все соделал Ты премудро; земля полна произведений Твоих...
Пошлешь дух Твой – созидаются, и Ты обновляешь лицо земли.
Псалм 103: 24-30*

Теоретической основой нового видения воды стало «естественное богословие», интеллектуальное движение, распространившееся в протестантском мире с конца 17 столетия⁵⁹. Естественные богословы разработали целостное мировоззрение, основной доминантой которого является восхищение природой как чудесным и мудрым Божиим Творением. При этом естественные науки превращаются в форму богослужения, а изучаемая природа созерцается как своего рода икона Божества. Углубленное и восторженное созерцание творения возвышает душу и переносит её в небесные сферы, предлагая «умному взору» ученого прямое видение божественного величия. Ступени научного познания образуют своего рода «лестницу Иакова», по которой душа поднимается к Божеству в предвкушении момента высшего постижения, когда сама «лестница» может быть отброшена⁶⁰.

Основополагающие принципы естественного богословия были сформулированы Робертом Бойлем, известным физиком (автором «закона Бойля-Мариотта») и религиозным мыслителем в его труде *The Christian Virtuoso*⁶¹. Это название можно перевести на современный язык как «христианин-учёный»⁶². Бойль рассматривает работу естествоиспытателя как религиозную деятельность, даже своего рода священство. Чем глубже человек погружается в изучение природы, тем больше открывается ему осмысленность, красота и системная сложность творения. Если обычный человек подобен пловцу, который держится на поверхности явлений, то ученый подобен искусному

⁵⁹ Богопознание через изучение природы по сути экуменично и присутствует в христианском мышлении всех эпох и конфессий. Аспекты естественного богословия можно найти и в православной святоотеческой литературе (Кириянов, Д. Естественное богопознание в творениях святых отцов Церкви и проблемы современного диалога науки и богословия. Христианское чтение, т. 41, №6, 2011, с. 177-193). В данной работе мы употребляем этот термин в узком смысле, для описания европейского, главным образом английского, естественного богословия 17-18 веков, которое особенно явно провозглашало единство естественных наук и религии и было представлено мыслителями, активными одновременно как ученые-естественники и как богословы. Люди именно этого круга организовали английскую Академию Наук, the Royal Society (Davis, E. B. Robert Boyle's religious life, attitudes and vocation. Science and Christian Belief, Vol. 19, 2007, No 2, p. 131).

⁶⁰ Vassanyi M. Religious awe at the origin of eighteenth-century physico-theology // Philosophy begins in wonder. An introduction to early modern philosophy, theology, and science. / M. F. Deckard & P. Losonczi. Eugene, OR: Pickwick Publications, p. 102-103.

⁶¹ Boyle R. The Christian virtuoso, London, St. Paul's churchyard, 1690.

⁶² Современное понятие «ученый» сформировалось в первой половине 19 века. Слово *scientist* возникло в 1830-е годы (Davis, E. B. Robert Boyle's religious life, attitudes and vocation, p. 118). Сам Бойль употреблял термин «экспериментальная философия» для обозначения того, что мы сейчас называем естественными науками. В его понимании, экспериментальная философия опирается на факты и этим отличается от философии умозрительной.

ныряльщику, который достает со дна жемчужины и кораллы, скрытые от других⁶³. Научный опыт, так же как и религиозный, может противоречить предыдущему знанию и выходить за рамки повседневного. Поэтому в жизни христианина-ученого чудесное смыкается с естественным: чудесное становится естественным в опыте веры, а естественное становится чудесным в открытиях ученого⁶⁴.

Последующие труды по естественному богословию, в которых основное место принадлежало биологическому материалу, полны этим ощущением чудесности естественного⁶⁵. В самом деле, именно живая природа полна примерами как невероятной сложности и целесообразности творения, так и постоянной заботы Творца. Творение мира продолжается в росте и размножении организмов⁶⁶. Если первоначальное творение было чудом, то не является ли подобным же, причем каждодневным, чудом создание дерева из семени и земли, или развитие бабочки из гусеницы? Недавно изобретенный микроскоп открыл потрясенному взору «священников-натуралистов»⁶⁷ доселе неведомый мир, свидетельствующий о непостижимой сложности и глубине Божественного Замысла⁶⁸.

Работы «священников-натуралистов» выразили не только новое чувство восхищения творением,⁶⁹ но и живое ощущение Божьего присутствия и постоянного благого Промысла. Бог не прячется от человека в за-небесную высь, а, наоборот, спускается к нему и ежесекундно напоминает о себе теплой заботой и индивидуальным вниманием к каждой травинке или бактерии. Вода, с её уникальными качествами и функциями, как будто специально «придуманными» для поддержания жизни, воспринималась как видимое свидетельство этой заботы Творца о своем творении.

Вода явно отличалась от других излюбленных предметов естественного богословия: она поражала не сложностью, а простотой, в сочетании с невероятным многообразием её функций и применений. Иоганн Фабрициус посвятил двухтомный труд детальному

⁶³ Boyle R. The Christian virtuoso, p. 50.

⁶⁴ Сам Бойль прожил жизнь в соответствии со своими принципами. Происходящий из богатой аристократической семьи, он вёл полу-монашеский образ жизни, занимаясь как изучением Библии, так и физическими экспериментами в созданной им лаборатории, которую он характеризовал как место райского блаженства (Davis E. B. *ibid*, p. 130).

⁶⁵ См. Ray J. The wisdom of God manifested in the works of creation, 1691; *цит. по изд.: London, St. Paul's churchyard, 1717; Derham W. Physico-Theology or a demonstration of the being and attributes of God, 1713; цит. по изд.: London, Pater-noster, 12th edition, 1754; Fabricius J. A. Hydrotheologie. Hamburg: König und Richter, 1734; цит. по французскому переводу: Theologie de l'eau. Paris, 1743.*

⁶⁶ Правильность библейской хронологии была важным постулатом научной мысли той эпохи. Так как возраст мира определялся примерно в 6000 лет, эволюционизм не мог рассматриваться как реалистическая альтернатива креационизму. Для людей того времени, мир был молод и «дышал» творением. Идея о непрерывности творения подкреплялась еще актуальной в описываемую эпоху верой в возможность спонтанного самозарождения живых организмов.

⁶⁷ Английский термин «parson-naturalists».

⁶⁸ Ray J. *ibid*, p. 58; Derham W. *ibid.*, p. 38.

⁶⁹ Слова «восхищение», «удивление» и «восторг» часто употребляются в их трудах. Так, небольшой книге Derham W. Physico-Theology насчитывается свыше ста употреблений глагола *to admire* и его производных.

изложению известных в то время свойств и применений воды, доказательствам её пользы и значения для человека⁷⁰. В книге Фабрициуса важное место занимает образ земли, как разумно функционирующей системы, в которой вода играет центральную роль, похожую на роль крови в человеческом теле⁷¹. Значение воды, её необходимость и идеальная приспособленность для функционирования «голубой планеты» как сложной системы продолжают вдохновлять мысль естественного богословия. В 19 веке, в связи с развитием метеорологии, была в полной мере осознана роль воды, снега и водяного пара как основных факторов формирования климата и погоды, и в этом также виделся благой Промысел⁷².

Если для ученых 18 века вода оставалась одной из четырех элементарных стихий, то в 19 веке она стала одним из многих химических соединений. Разговор о чудесности воды переместился в сферу химии и термодинамики. Стало ясно, что роль воды в поддержании как жизни, так и климатического равновесия, обусловлена уникальностью её свойств как вещества. Например, необычный температурный минимум плотности при 4°C важен для поддержания жизни в водоемах в течение зимы. Другое экзотическое свойство воды: при замерзании она, в отличие от остальных жидкостей, становится легче, а не тяжелее. Благодаря этому, льдины не тонут, а водоемы не промерзают. Высокая теплоемкость и теплота испарения воды способствуют стабильности климата, а высокое значение поверхностного натяжения коррелирует с максимальной высотой деревьев. Многие химики 19 века видели в этих уникальных свойствах воды благой промысел Провидения⁷³.

По мере накопления научных знаний восхищение водой становилось все более глубоким и осознанным. В соответствии с замечательной метафорой естественного богословия, ученые поднимались по ступеням научного познания как по направленной в небеса «лестнице Иакова». С каждой новой волной открытий, уникальность воды виделась в новом свете, при этом её неизменная аура тайны и исключительности нисколько не умалялась. Несмотря на головокружительный прогресс современной науки, она все еще не в состоянии объяснить уникальные свойства воды исходя из первых принципов физики. Восхищение водой зачастую переливается за границы академической науки и проявляется в той легкости, с которой представления о чудесных свойствах воды находят поддержку в

⁷⁰ *Fabricius, J. A. Hydrotheologie. Hamburg: König und Richter, 1734; цит. по фр. переводу: Theologie de l'eau. Paris, 1743.*

⁷¹ Фабрициус не был изобретателем этого сравнения. Образ земли как организма и земных вод как кровеносной системы был общим местом естественного богословия. Этот образ перекликается с уже упоминавшейся символической связанностью воды и крови в западном христианстве.

⁷² В качестве примера «священной метеорологии» можно привести книгу. *Duncan H. Sacred philosophy of the seasons: illustrating of the perfections of God in the phenomena of the year. Edinborough, Oliphant, 1838.*

⁷³ *Russel C. A. Hydrotheology: towards a natural theology for water. Science and Christian Belief. Vol. 19, 2007, No. 2, p. 161-184.*

массовом сознании. Нашумевший недавно фильм «Великая тайна воды» служит тому выразительным примером.

Открытие таблицы элементов Менделеева придало свойствам воды (как и прочих веществ) стабильность законов природы и сделало их абсолютными и вечными «кирпичиками» мироздания, изначальное бытие которых обязано промыслительной творческой деятельности Автора Природы. Прогресс науки 20 века связал необычные свойства воды со способностью её молекул образовывать полу-химические водородные связи, благодаря чему вода в целом имеет необычную структуру. Водородная связь не только обуславливает уникальность физико-химических свойств самой воды, но также и необходима для формирования ДНК и хранения генетической информации. Современному естественному богословию молекула воды представляется уникальным химическим орудием «разумного замысла», специально созданным для зарождения и развития жизни.

Крещение потопом и голландская иеротопия чистоты

Чистота воистину недалеко от святости.

Джон Уэсли

Укрепляющаяся в протестантизме тенденция к более оптимистичной оценке материального мира вступала в известное противоречие с христианским учением о первородном грехе и падшем мире. Когда же этот падший мир, безнадежно зараженный злом, превратился в чудную «божественную мастерскую»? Этим моментом, по сути начальной точкой спасения, оказался потоп, который понимался как очищение, своего рода крещение земли. Подобно крещению, потоп был одновременно гибелью старого и рождением нового. Омытая потопом земля была обновлена, и с нее было снято, хотя бы отчасти, древнее проклятие.

Развернутая геофизическая теория потопа была предложена Томасом Бэрнетом в его труде «Священная история земли», оказавшем значительное влияние на современников⁷⁴. Согласно Бэрнету, в исходном «допотопном» состоянии земли, экваториальный пояс имел идеальный постоянный климат. Он-то и был библейским райским садом. Потоп произошел не путем необъяснимого подъема неизвестно откуда взявшегося невероятного количества вод, а путем излома и обрушения первоначально тонкой земной коры, покоившейся на первоначальном подземном океане (названном в книге Творения «бездной»). Потоп, таким образом, был не столько наводнением, сколько совокупностью геологических катастроф, сформировавших современный облик земли с её капризно

⁷⁴ Burnet Th. The sacred theory of the Earth. London, St. Paul's churchyard, 1691. Теория Бэрнета была первой концепцией геологической эволюции. Она хорошо сочетала библейские представления с известным в то время научным материалом и заслужила комплименты Исаака Ньютона.

изрезанными берегами материков и величественным хаосом горных массивов. Он был как бы дополнительным этапом творения и, одновременно, первым шагом спасения. Новый завет Ноя с Богом был заключен на этой вновь сформированной земле, на которой должна была разворачиваться последующая история спасения.

В протестантском богословии воды и потопа придавалось большое значение отрывку из второго соборного послания апостола Петра, в котором утверждается, что первоначальный мир был «составлен из воды и водою» и «погиб быв потоплен водою» (2 Пет. 3:6). Новому же миру «содержимому тем же Словом» суждено погибнуть от огня (2 Пет. 3:7). В этом отрывке видели подтверждение тому, что допотопный мир радикально отличался от нынешнего и был уничтожен потопом как неким древним апокалипсисом. Новый же мир был заново сотворен во время потопа «тем же Словом» и получил новое благословение и «путевку в жизнь».

Это протестантское видение потопа сыграло важную роль в формировании европейской чистоты, которое началось в Голландии. Эта история началась задолго до Реформации. Ввиду отсутствия постоянной береговой линии, освоение прибрежных земель было рискованным занятием. Крестьяне, желавшие поселиться на этих землях, не облагались податями и оказывались во многих отношениях вне господствовавшей системы феодальных отношений. Их безопасность защищал не местный лорд, а крестьянское сообщество, отвечавшее за сохранность дамбы. Так образовалось своеобразное «потопное общество»⁷⁵, связанное общим страхом перед стихией, но так же и общим ощущением свободы по отношению к земной власти. Так как стихиями повелевает Бог, то он и был подлинным господином и хозяином «потопного общества», и именно он наделял его освященной своим благословением землей.

Риск наводнений был частью нормального образа жизни «потопного общества». Катастрофические наводнения происходили несколько раз за столетие, когда дамбы разрушались во время особенно сильных штормов (Figure 9). В ноябре 1421 г. оказались затоплены 500 кв. км территории вокруг Дордрехта. Десятки тысяч жителей этих мест погибли. Крупные наводнения происходили в 1502, 1509, 1530, 1552 и 1565 гг. Каждый раз затапливались обширные территории, которые впоследствии опять осушались. Символизм потопа не только помогал каждый раз заново осмысливать трагедию и видеть её высший смысл, но и подчеркивал святость вновь «крещеной» земли. Каждое наводнение воспринималось как новый потоп: оно было Божьей карой, и, так же как и потоп, обновляло завет с Богом на омытой и освященной земле. Выжившие голландцы мыслили себя семьёй Ноя, спасенным народом, избранным для сохранения в богоданном порядке очищенных потопом территорий.

⁷⁵ Исходный термин 'Flood society', see *Schama S. The embarrassment of riches. An interpretation of Dutch culture in the Golden Age.* NY: Vintage Books, 1987, p. 40.

Осушение затопленной земли было одновременно и человеческим и божественным деянием и приобретало библейскую значимость. Инженер-гидравлик 16 века Андрис Вирлих писал, что «создание новой земли – это прерогатива Бога, однако Бог дает некоторым ум и силу чтобы это осуществить»⁷⁶. Вследствие того, что человеческими руками была исполнена Божественная воля, люди приобретали на эту землю особые освященные Богом права. Но вместе с правами приходила и ответственность за поддержание на этой святой, обетованной земле достойного порядка. Так формировалась своеобразная протестантская иеротопия чистоты. Земля, доверенная верующим, рассматривалась как священная божественная мастерская, в которой Бог обустроивал мир в соответствии со своим замыслом руками своих избранников.

Как мы видели, мораль предшествовавших эпох вовсе не считала чистоту добродетелью, и само слово «чистота» в Средние Века означало лишь чистоту моральную. Гигиенический нигилизм был глубоко укоренен в средневековом христианстве, которое учило умерщвлять плоть. Земной мир был проклят Богом за первородный грех и обречен на апокалипсическую гибель. Грязь была проявлением его безнадёжного несовершенства, преодолеть которое человеку все равно было не под силу. В падшем мире правил сатана, и грязь являлась лишь внешним проявлением его господства. Голландская революция чистоты была связана с изменением этого отношения к миру, происшедшим под влиянием протестантизма. С этой новой точки зрения человек выступает как божий работник, создающий и поддерживающий богоугодный порядок в соответствии с высшей волей на обновленной земле. Эта освященная земля приобретала характеристики святого пространства и требовала соответствующего отношения⁷⁷.

Изменилось и отношение к дьяволу. Если раньше дьявол был хозяином материального мира, то теперь он оказался вытесненным в чисто духовную сферу борьбы с соблазнами и страстями. Из владыки мира сего дьявол превратился в действующего исподтишка отравителя душ⁷⁸. Освобождаемый от владычества дьявола мир заблистал чистотой.

Чистота улиц в Голландии 17 века была необыкновенна и разительно отличалась от состояния большинства европейских городов в эту эпоху. Современники с удивлением писали, что, по улицам можно ходить в домашних туфлях, а гвозди на дверях были так надраены, что блестели как бриллианты. Улицы вблизи домов были вымыты. В городах запрещалось плевать. Однако чистота на улицах была лишь наружным проявлением чистоты домашней, которая также превосходила современные стандарты. Популярные

⁷⁶ Schama S. *ibid*, p. 35.

⁷⁷ Говоря о восприятии голландцами своей земли как обетованной, Schama употребляет понятие «моральной географии» (*moral geography*, см. Schama S. *ibid*, p. 15-50), хотя, на наш взгляд, современный иеротопический термин «священная география» (*sacred geography*) лучше бы соответствовал его собственным идеям.

⁷⁸ Johnstone N. The protestant devil: the experience of temptation in early modern England. *Journal of British studies*, Vol. 43, April 2004, p. 173 – 205.

руководства по домашнему хозяйству предписывали недельный график уборки и мытья разных частей дома. Посуду полагалось мыть после каждой еды, а простыни – менять каждый день, не путая ноги с головой. Полы и стены надо было обрабатывать от насекомых, а также отгонять моль камфарой. При входе в дом гостей в обязательном порядке переобували в тапочки. Многие из этих правил не покажутся удивительными в 21 веке, но в ту эпоху подобное отношение к чистоте было революционным.

Голландская чистота была также связана с кальвинистской богоизбранностью и имела что-то общее с ритуальной чистотой ветхозаветных иудеев. Грязь уравнивает всё и всех, а чистота выделяет и отличает. Отмываемая грязь символизировала грехи, от которых Господь очищает своих верных. Если ритуальная чистота ветхозаветных иудеев отделяла их язычников, то чистота голландцев еще нагляднее отличала их от окрестных не-богоизбранных наций. Библейские ассоциации, вера в собственную богоизбранность и самоотождествление с библейским избранным народом играли ключевую роль в формировании голландского национального духа и патриотизма. Символизм Исхода был не менее важен, чем символизм Потопа. Так же как и ветхозаветные иудеи, голландцы были освобождены от порабощения и процветали благодаря своему завету с Богом. Якоб Катс, Великий Пансионарий Голландии, открывая в 1651 г. Ассамблею Генеральных Штатов, обратился к аудитории с приветствием: «Вы, дети Израиля!»⁷⁹

Новый культ чистоты сочетался с культом дома и домашнего, и в нем можно усмотреть новую сакрализацию жилища и вообще повседневного. Если для католиков сакральность сосредоточивалась в церкви, а дом был частью дольного мира, то в протестантской культуре дом стал превращаться в сакральное место, освященное самим присутствием христиан (святых), их верой и молитвами. Культ Девы Марии обратился в культ кормящей матери. Домашнее окружение стало личной церковью, а семейные обеды – причастием. Домашний уют стал отождествляться с моральной чистотой и всем, что свято и дорого человеку. В доме образовался очаг благочестия, а дольний мир с его моральной нечистотой и духовными опасностями вытеснился за его пределы⁸⁰. Женщина с метлой стала важным персонажем иконографии Золотого века Голландии (Figure 10, Figure 11). Таким образом роль сакрального изменилась: оно стало служить не для принижения, а для возвышения мирского, для освещения его сиянием божественного промысла. Повседневные предметы были освещены новым смыслом. В этой новой сакрализации чистоты и уюта воде было суждено играть ключевую роль как главному средству поддержания богоугодной чистоты и порядка в микрокосмосе.

⁷⁹ Schama S. *ibid*, p. 100.

⁸⁰ Англиканский молитвенник 1578 г. определял порог дома как границу духовно безопасного пространства, за которым начинался мир соблазна (Johnstone N. *ibid*, p.193).

Andrew Simsky

Holy Water, the Reformation and Protestant Hierotopy

The subject of this paper is the history of holy water. We will retrace the evolution of Christian belief about the sacred water, as well as the evolution of attitudes toward water in general, with respect to the changing views on the material realm. Water, being an essentially material element, evokes a rich world of ideas and images - religious as well as secular - by way of a process that G. Bachelard identifies as the “material imagination”. We argue that the materiality of water provides a key to understanding the history of Christian holy water. In fact, we will see that the story of holy water is, essentially, the story of matter. In this paper this story will be retold through a few historical episodes of Western Christianity. Dramatic changes in the views on matter and materiality brought about by the Reformation will give us a chance to observe the above-stated correlation in the most explicit way.

The Christian attitude towards matter is inherently ambiguous. On one hand, matter is a blessed substance of God’s creation, shimmering with the light of His Glory. On the other hand, the material world suffers the consequences of Original Sin and is subject to demonic forces. The spirituality of water expresses this same duality: it can carry both divine and demonic powers. This quality of water is not to be confused with moral neutrality of atoms and molecules in modern science. Instead, the religious perception of water is significantly influenced by ancient hylozoism⁸¹, which took material elements to be organic components of the living cosmos. This duality of water might resemble the moral duality of man, who can choose either good or evil. While ordinary water was open to diabolical influences, holy water became a powerful vehicle of Divine Grace.

A stark opposition between the sacred and the profane, which was so characteristic of medieval religious thought, was epitomized in two kinds of water, holy and profane. Mundane water was associated with sin and temptation, while sanctified water transported the blessings and powers from the sacred spaces of churches to the humble dwellings of medieval peasants. After the Reformation, the view that the world was God’s blessed workshop began to take hold. Water, with its unique properties and its crucial role in the human world, came to be seen as His most admirable creation. In early modern times, when cleanliness came to be closely equated to godliness, water was destined to play a major role in the formation of a peculiar kind of hierotopy: a Protestant hierotopy of orderliness and cleanliness. This was a revolutionary vision

⁸¹ According to the hylozoic point of view, all matter is in some sense alive. Hylozoism does not view life as taking forms of discrete spirits or souls, but rather sees all things as made of a living substance without distinguishing their material and ideal aspects. Such a view of matter is radically distinct from modern science, which divides matter into organic and inorganic, the latter of which is inert and ‘dead’.

of the sacred as well as of the material, where the sacraments were stripped of their divinity, but the ordinary and the daily acquired a new aura of sacrality. Let us start from the beginning...

The first rational theory of holy water was formulated by Tertullian in his well-known work "On Baptism". Tertullian sharply distinguishes between the liturgical uses of water by Christians and by pagans. Pagans venerate water as such (Figure 1), whereas Christians only use sanctified water imbued with Grace (Figure 2). Tertullian interprets the sanctification of water in a fairly physical way as the penetration of divine fluids into the liquid and compares it to the physical act of the angel stirring the Bethesda pool (John 5). Other early Fathers also stressed the importance of sanctifying water. Cyprian wrote that only water which was sanctified in the true Church could validate a baptism, while water sanctified by heretics was invalid, "adulterous" and will only further corrupt a person instead of cleansing.

If sanctified water had the capacity to physically and spiritually rejuvenate a person, profane water was seen as a source of spiritual dangers. A clearly hedonistic and even half-pagan character of Roman bathing apparently supported Christian concerns about water. Early fathers stressed the medical and hygienic aspects of bathing, while bathing for pleasure or socializing was regarded as sinful. The contrast between holy and mundane waters became even starker in Medieval Europe. The suspicious attitude that early Christians had toward bathing eventually evolved into a genuine hydrophobia. Communal baths were seen as closely related to brothels (Figure 5). If they were legal, they were deemed 'red light districts', but they were often outrightly forbidden. For this reason, bathing became (and remains to this day) a predominantly individual practice, which was never completely prohibited, but was tolerated according to the following principle: "the less the better". The abstention from washing was regarded as an ascetic practice; it was associated with sainthood and became a sign of piety. Mundane water was considered to be a source of not only spiritual, but also physical dangers. For instance, during the epidemics of plague, contact with water came to be seen as a source of "black death".

Medieval hydrophobia was an organic part of a complete worldview; the material world was seen as being populated by devils, whereas sacredness was concentrated in churches and sanctuaries. In the latter, a Christian was safe from demonic influences. Holy water became an indispensable medium for imparting some of this spiritual power and protection in the microcosmos of ordinary, everyday life. It was not only used to asperge the congregation during Sunday Masses, but could also be brought home, sprinkled over fields, used in cooking, and even given to cattle. To ensure that holy water was not corrupted by pervasive demons (who could even attack in churches), it was preserved in heavy stone-carved fonts, which were tightly shut by massive metal lids (Figure 6). Holy water was seen as a universal remedy against both spiritual

and physical attacks by evil forces. If Holy Communion promised a way to heaven in the afterlife, holy water provided much needed help here and now⁸².

Water is particularly important in Catholicism, given its symbolic relationship to the blood of Christ. In John 19:34 both blood and water flow out of Christ's wounds meaning that both became the source of salvation. In the Catholic ritual of Holy Communion, water, mixed with wine, becomes one of the "elements" of the Eucharist. Together with wine, water is *transubstantiated* into the blood of Christ. Sacrificial blood and water are also frequently connected in hagiographical literature⁸³. This symbolic affinity between water and sacrificial blood enhanced the perceived ability of water to spiritually purify and take on rejuvenating and salvific roles.

During the Reformation, the sanctification of water for baptism, as well as the Eucharist, was a common topic in theological debates. How different parties understood the sanctification of water directly correlated with their interpretation of the Eucharist. While moderate Protestants retained elementary prayers to bless baptismal waters, radical groups refuted any such attempts as magic. Nevertheless, with the diminishing significance of the sanctification of water, the importance of water itself actually increased: many Protestant denominations insisted on baptising people by full immersion and elevated baptism to the role of a central Christian ritual. Although holy water was stripped of its holiness, natural water was exalted to the role of God's instrument and the medium of spiritual re-birth. This novel vision of baptismal waters prefigured important changes in the attitudes toward nature and matter in general which were soon to come in the Protestant world. The elevation of the daily was becoming an important feature of the new worldview⁸⁴.

It is commonly believed that Protestant reforms involved the general desacralisation of religion and the secularization of everyday life. In fact, however, sacrality was not removed from religion, but changed its character. According to the medieval worldview, the material world was corrupted by the consequences of Original Sin and was significantly influenced, if not entirely controlled, by the "ruler of this world", i.e., the devil. Protective and salvific sacrality was confined to special places and persons, which were separated from the profane environment by an invisible veil, much in the same way that the Holy of the Holies in the Old Testament temple was separated from the rest of the world. In Protestantism, this veil was torn and sacrality was spread over the cosmos. The whole world became the temple of God's creation where man realized the holiness of his calling in godly activities. Ecclesiastical sacrality was profaned, but

⁸² Ecclesiastical statistics from the Late Middle Ages show that most parishioners partook of the Holy Communion quite rarely, whereas holy water and other *sacramentals* were popular.

⁸³ In the biographies of saints, fountains often gushed from where drops of their blood fell to the ground. The link between blood and water takes a particularly intimate form in the legend of St. Praxedes. She collected the blood of martyrs in a well, which later became the site of her veneration and was enclosed in the Roman church bearing her name.

⁸⁴ Many years later G. K. Chesterton wrote about 'the ecstasy of the ordinary' (*Chesterton G. K. The Spice of Life and other essays*. Beaconsfield: Darwen Finlayson, 1964, p. 71-73).

the mundane human world, especially the environment of believers, received a continuously shining aura of God's blessings. These new tendencies were clear in Protestantism from the outset, but, as we will see later, took more explicit theoretical forms after the Reformation.

The removal of exorcism from sanctification rituals is quite indicative of these new tendencies. In the medieval worldview, mundane waters were infected by demonic influences; hence, exorcism was a necessary starting point of the water-blessing formulae. Exorcism was equally applicable to a baptized person, who was assumed to be possessed by demons prior to his baptism⁸⁵. All of the Reformed churches removed exorcism from the sanctification of water as well as from the ritual of baptism. This marked significant change in the attitude towards matter. It was no longer considered to be possessed by demons, but was rather seen as a blessed substance of God's continuous creative work. All matter was potentially capable of godly functions in its natural condition. Likewise, the devil was dethroned from being the 'ruler of this world' while still keeping his role as the mastermind of temptations.

However, these lofty ideals of high Protestantism did not find their way into the mind of ordinary believers right away. The old worldview was too deeply ingrained in peoples' minds to be discarded by a decree of ecclesiastical authority. Thus, a transitional period followed during which traditional mentality still prevailed in various forms of popular religion. The continuing cult of holy wells and springs in Protestant countries presents an interesting example. Holy wells were a major source of natural sacred water, flowing from the mysterious underworld. Their waters were sanctified by local saints: by their martyrdom or by the fact of their living near a well, or even by a short visitation. The waters of holy wells possessed a variety of healing properties; diverse local customs were established around them. In Protestant countries, ecclesiastical holy water was abruptly and strictly outlawed, and the population, suddenly deprived of their favourite weapon against evil, turned to healing wells. The popularity of the wells remained stable for quite some time in spite of an invariably critical attitude from church authorities (Figure 8). Their eventual decline owes more to the success of medicine than to the influence of their sermons.

Reformers countered the influence of holy wells by promoting spas, an innovative form of 'hydrolatry', which was better suited to the novel way of thinking about matter. The mineralized waters of spas were evidently different from ordinary water. Hence, they could be viewed as a natural gift from God, i.e. as normal water that was providentially endowed with solutes of a mineral origin and thus purposefully imbued with beneficial healing properties. British spas of the sixteenth and seventeenth centuries were marked by a peculiar mix of science and religion, where special prayer books and spiritual recommendations were intermixed with information about chemicals as well as medical advice. The medicinal cult of natural cold water, which was

⁸⁵ Exorcism of the baptized can be found in baptismal formulas as far back as the first centuries of Christianity and is still a part of the baptismal ritual in Eastern Orthodoxy.

developed in the eighteenth and nineteenth centuries, also owes a great deal to the Protestant view of water as an admirable natural gift.

The theoretical basis for this new view of water can be found in “natural theology”, an intellectual movement that gained significant popularity in England around the late seventeenth century⁸⁶. Natural theologians developed a consistent worldview where nature was admired as a wonderfully organized divine creation, making natural sciences a form of worship. God was seen as the Author and the Designer of the material world, which, in its turn, was regarded as His workshop. The study of nature helped the scientist to better understand and admire the complexity, goodness and wisdom of God’s design and to expertly proclaim the greatness of the Creator. Water, with its unique properties, was apparently an important part of God’s plan and was purposefully contrived for its special role as a life-supporting medium.

Scientific studies helped to further enhance and deepen the admiration of water. In accordance with a remarkable metaphor from natural theology, researchers were climbing the steps of scientific knowledge just as the steps of Jacob’s ladder, stretched up to heavens. With every new wave of scientific discoveries, water came to be better understood without any loss of its unmistakable aura of uniqueness and mystery. With the advent of modern chemistry and Mendeleev’s table, the properties of water acquired the firmness and stability of nature’s laws. Scientists came to appreciate the ability of natural water reservoirs to sustain life due to water’s exotic density minimum at 4°C during cold winters. The 20th century saw the discovery of the hydrogen bond, which shed more light on water’s semi-crystalline structure. Nevertheless, modern science is incapable of providing a fully quantifiable theory which would explain the exotic properties of water from the first principles of modern physics. In contemporary times the admiration of water has largely lost its initial religious character: the miraculous creation of God has become nature’s miracle.

The more optimistic Protestant views on matter and the material world had to be reconciled with the tenets of Christian theology, which saw the world as fallen and corrupt. At what point in time did the fallen world turn into God’s workshop? This turning point came to be identified with the Flood. It was not only a deadly punishment, but also a major renewal of the world; the cleansing of the earth by water was akin to baptism. It was even suggested that the Flood was not a supernatural inundation by unrealistically colossal amounts of water, but a sequence of geological catastrophies, which formed the modern geography of the Earth with its huge oceans, jagged mountain ridges and chaotically shaped coastlines⁸⁷.

⁸⁶ Our discussion of natural theology is based on the original works of R. Boyle, W. Derham, J. Ray, Th. Burnet, J. Fabricius and modern reviews by M. Vassanyi⁶⁰, E. B. Davis⁶², and C. A. Russel⁷³. The work of C. A. Russel presents a remarkable review of the natural theology of water from its inception and up to the present times.

⁸⁷ In his work “The Sacred Theory of the Earth” Th. Burnet presented a compelling case for the Flood being a geological event. Burnet’s argument significantly influenced the thought of the eighteenth century and earned appreciation of Isaac Newton.

With respect to the Flood and water, Protestant theology paid particularly close attention to 2 Peter 3:6,7. This passage states that the antediluvian world was formed “out of water and by water” and was also destroyed “by these waters”. By contrast, our current world is to be destroyed by fire. This New Testament passage confirmed that the pre-deluvian world was indeed different from the post-deluvian world. The old world was destroyed by the Flood in the watery apocalypse, whereas the post-deluvian world was created afresh “by the same Word” and received a new blessing.

This vision of the cleansing Flood was instrumental in the formation of European cleanliness, which started in Holland. This story begins long before the Reformation. Because the natural shoreline was unstable, the agriculture in coastal areas was risky, and the fear of flooding was a part of daily life. The peasants who were willing to settle in these lands were exempt from taxation and to a large extent were free from the conventional feudal hierarchy. Their security was protected by the peasant community, responsible for the safety of the dams, rather than by the local lord. This led to the formation of a peculiar sort of “flood society”⁸⁸, united not only by the fear of the floods, but also by the shared sense of freedom from mundane authorities. Because God alone was the master of the elements, He was the only master of the “flood society” and imparted it with land sanctified by His blessing.

Catastrophic floods occurred several times a century when dams were destroyed by particularly severe storms (Figure 9). During these events, thousands of local residents died and vast areas were flooded. Eventually, however, these areas would be drained and reclaimed. The symbolism of the Flood helped to come to terms with the tragedies, to understand their higher meaning and to strengthen the peoples’ bond with the newly “baptized” land. Each inundation was regarded as a new Flood. Thus, while it was still God’s punishment, it was also a renewal of the Covenant with God, which took place on the washed and cleansed land. Survivors of the floods identified themselves with the family of Noah, i.e., they were chosen to upkeep the cleansed territories in godly order.

The drainage and reclamation of the flooded lands was a human and a divine act at the same time that was laden with scriptural significance. Andries Vierlingh, a hydraulic engineer of the sixteenth century, wrote that “the making of the new land belongs to God alone for He gives to some people the wit and the strength to do it”⁸⁹. In these acts God’s will was carried out by human hands, and humans held a sacred title to these lands. Together with the rights came the responsibilities for the maintenance of the godly order on this promised and holy land. In this way a peculiar form of the Protestant hierotopy of cleanliness was formed. The lands that were

⁸⁸ The term used by *Schama S. The Embarrassment of Riches*, p. 40.

⁸⁹ See *Schama S. ibid*, p. 35.

entrusted to believers were regarded as sacred workshops of God, and He used the hands of his elect to construct the world according to His design⁹⁰.

As stated above, the morality of the preceding age did not see cleanliness as a virtue. In the Middle Ages, the very word “cleanliness” referred to moral purity. Hygienic nihilism was deeply rooted in medieval Christianity which encouraged the mortification of the flesh. This world was cursed from Original Sin, and dirt was just one aspect of its hopeless imperfection, which humans were unable to repair with their weak hands. The fallen world was ruled by Satan and dirt was only an external manifestation of his dominion. The Dutch revolution of cleanliness was the result of radical changes in this worldview under the influence of Protestantism. Based on this new Protestant point of view, man served as God’s steward to create and maintain divine order in accordance with the higher will on the renovated and cleansed land. This Promised Land had all the qualities of the sacred space and called for appropriate respect. The role of the devil in the world had also changed. While he was previously taken to be actively present in the physical world, now he belonged to a spiritual domain of temptations and passions. The former ‘ruler of this world’ became a sneaky seducer of weak souls⁹¹. The world freed from devils and demons had to shine with godly cleanliness.

The cleanliness of the streets in Holland of the Golden Age was remarkable and radically differed from the condition of most other European cities at that time. Contemporaries wrote in amazement that one could walk outside in slippers, and that the nails in the doors were so polished that they shone as diamonds. Streets near houses were washed, and spitting in the streets was prohibited. The cleanliness of the exterior of houses matched the cleanliness of their interior, which also exceeded European standards of the day. Popular housekeeping manuals prescribed the weekly cleaning cycle of each and every part of the house. The dishes had to be washed after every meal and sheets had to be changed every day without confusing head with feet. The floor and walls were treated against insects, while moths were chased away with camphor. Visitors upon entering the house had to change their boots for slippers. Many of these rules do not seem so surprising today, but at the time such an attitude to cleanliness was absolutely revolutionary.

Dutch cleanliness was obviously linked to the Calvinistic exclusiveness of the elect as well as to the ritual cleanliness of the Biblical Jews. Dirt equated all and everyone, while cleanliness distinguished people and made them special. Filth, which was washed away, symbolized sins, from which God cleansed his elect. If the ritual cleanliness of the Jews distinguished them from their pagan neighbours, Dutch cleanliness distinguished them from the surrounding nations who did not belong to “the elect”. Biblical associations were instrumental in the formation of Dutch spirit and Dutch patriotism. The Dutch strongly identified themselves with the Old Testament

⁹⁰ In his above-cited book S. Schama uses the term “moral geography”, although in our view a modern hierotopic term “sacred geography” would perfectly match his ideas.

⁹¹ See an excellent review: *Johnstone N.* The Protestant Devil: the Experience of Temptation in Early Modern England. *Journal of British studies*, Vol. 43, April 2004, p. 173 – 205.

Jews. In fact, the symbolism of the Exodus was equally as important as the symbolism of the Flood. Similarly to the Israelites, the Dutch were freed from bondage and prospered through their covenant with God. Jacob Cats, the Grand Pensionary of Holland, opened the Assembly of the States General in 1651 with the following greeting: “You, children of Israel!”

The new cult of cleanliness came together with a new form of sacralization of the home and the domestic. For Catholics the sacrality was predominantly confined to the church, while the home was part of the mundane world. In Protestant culture, however, the home became a place sanctified with the very presence of Christian believers (the saints), their faith and their prayers. The cult of the Virgin Mary became the cult of the nursing mother. The home became a personal church with family dinners in place of Holy Communion. The coziness, cleanliness and order of the home came to be identified with moral purity and with all things holy and revered in man’s life. The home became a seat of piety, while the mundane world with its moral impurities and spiritual dangers extended beyond its boundaries⁹². The woman with a broom became an important protagonist in the iconography of the Golden Age of Holland (Figure 10, Figure 11). Thus, the role of the sacred has changed significantly: it now stood for the elevation of the mundane, rather than its humiliation. Daily matters were illumined with new meaning and shone with the light of the Divine Providence. In this new sacralization of cleanliness and domestic comforts, water played a key role as the cleansing medium instrumental in the upkeep of godly purity and the divine order of the microcosmos.

⁹² The Anglican Prayer Book of 1578 defined the threshold of a house as a boundary of the spiritually safe place, beyond which extended the world of temptations (*Johnstone N. ibid*, p.193).

Figure 1. Чаша для сакральной воды, Аккадская цивилизация, 21 век до н. э., Археологический Музей Стамбула. Этот рельеф служит примером языческого водопоклонения; здесь вода – это стихия, которую льют в изобилии водяные божества. Basin for sacred water, Accadian civilization, 2100 BC, Archeological museum, Istanbul. This relief is an example of ancient pagan hydrolatry.

Figure 2. Испытание Богоматери водою. Кафедра Максимиана, резьба по слоновой кости, 6 век, Архиепископский музей в Равенне. The Virgin Drinks the Water of Correction, 6th century ivory, from the throne of Maximianus, Archiepiscopal Museum in Ravenna.

Figure 3. Крещение Иисуса. Боковая створка тетраптиха с 12ю праздниками из монастыря Св. Екатерины на Синае, 12 век. См. А. М. Лидов. Византийские иконы Синае, М: Христианский Восток, 1999, №20, с. 78-81. The Baptism of Jesus. The side of the tetraptych with 12 feasts from St. Catherine Sinai Monastery, 12th century.

Figure 4. Крещальная купель из церкви Св. Варфоломея, Льеж, 12 век. Купель уникальна сочетанием романского стиля с византийским классицизмом. The baptismal font at St Bartholomew's Church, Liège, 12th century. The font is a masterpiece of Mosan art, remarkable for its clacissism.

Figure 7. Четыре реки рая в раннехристианской иконографии. Слева: мозаика конхи алтарной апсиды в церкви Сан-Витале в Равенне, 6 век. Справа: мозаика из церкви Св. Козьмы и Дамиана, Рим, 6 век. В обоих случаях четыре реки Рая имеют общий источник и исчезают (под землей?) расходясь в разные стороны. The Four Rivers of Paradise in Early Christian Iconography. Left: the mosaic of the apse in the San-Vitale Church in Ravenna, 6th century. Right: the mosaic of the apse in the Roman Basilica of Santi Cosma e Damiano, 7th century. In both cases, the four rivers have a common source and gradually disappear underground.

Figure 8. Современные фото святых источников. Ритуальные тряпочки повязываются ради исцеления. Modern-day photos of holy wells. The pieces of clothes (cloodies) are hung around wells as offerings.

Figure 9. В. Шеллинкс. Прорыв дамбы, 1690. Willem Schellinks. The Dam Has Broken Through, 1690.

Figure 10. П. Элинга. Женщины за уборкой дома и чтением, 1670. P. J. Elinga. Women Sweeping, Reading, 1670.

Figure 11. Х. Ван Дер Бюрх Женщина в своем саду, 1660. H. Van der Burch. Woman in Her Garden, 1660.